

Николай Лесков

Грабёж

Николай Лесков

Грабёж

«Public Domain»

1887

Лесков Н. С.

Грабеж / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1887

«Шел разговор о воровстве в орловском банке, дела которого разбирались в 1887 году по осени. Говорили: и тот был хороший человек, и другой казался хорош, но, однако, все проворовались. А случившийся в компании старый орловский купец говорит:— Ах, господа, как надойдет воровской час, то и честные люди грабят...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	8
Глава четвертая	9
Глава пятая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Семёнович Лесков

Грабеж

Глава первая

Шел разговор о воровстве в орловском банке, дела которого разбирались в 1887 году по осени.

Говорили: и тот был хороший человек, и другой казался хорош, но, однако, все проворачивались.

А случившийся в компании старый орловский купец говорит:

– Ах, господа, как надойдет воровской час, то и честные люди грабят.

– Ну, это вы шутите.

– Нимало. А зачем же сказано: «Со избранными избран будеши, а со строптивыми развратишия»? Я знаю случай, когда честный человек на улице другого человека ограбил.

– Быть этого не может.

– Честное слово даю – ограбил, и если хотите, могу это рассказать.

– Сделайте ваше одолжение.

Купец и рассказал нам следующую историю, имевшую место лет за пятьдесят перед этим в том же самом городе Орле, незадолго перед знаменитыми орловскими истребительными пожарами. Дело происходило при покойном орловском губернаторе князе Петре Ивановиче Трубецком.

Вот как это было рассказано.

Глава вторая

Я орловский старожил. Весь наш род – все были не последние люди. Мы имели свой дом на Нижней улице, у Плаутина колодца, и свои ссыпные амбары, и свои барки; держали артель трепачей, торговали пенькой и вели хлебную ссыпку. Отчаянного большого состояния не имели, но рубля на полтину никогда не ломали и слыли за людей честных.

Отец мой скончался, когда мне пошел всего шестнадцатый год. Делом всем правила матушка Арина Леонтьевна при старом приказчике, а я тогда только присматривался. Во всем я, по воле родительской, был у матушки в полном повиновении. Баловства и озорства за мною никакого не было, и к храму Господню я имел усердие и страх. Еще же жила при нас маменькина сестра, а моя тетенька, почтенная вдова Катерина Леонтьевна. Это – уж совсем была святая богомолка. Мы были, по батюшке, церковной веры и к Покрову, к препочтенному отцу Ефиму приходом числились, а тетушка Катерина Леонтьевна прилежала древно-сти: из своего особливого стакана пила и ходила молиться в рыбные ряды, к староверам. Матушка и тетенька были из Ельца и там, в Ельце и в Ливнах, очень хорошее родство имели, но редко с своими виделись, потому что елецкие купцы любят перед орловскими гордиться и в компании часто бывают воители.

Домик у нас у Плаутина колодца был небольшой, но очень хорошо, по-купечески, обряжен, и житье мы вели самое строгое. Десять лет проживши на свете, я только и ходу знал, что в ссыпные амбары или к баркам на набережную, когда идет грузка, а в праздник к ранней обедне, в Покров, и от обедни опять сейчас же домой, и чтобы в доказательство рассказать маменьке, о чем Евангелие читали или не говорил ли отец Ефим какую проповедь; а отец Ефим был из духовных магистров, и, бывало, если проповедь постарается, то никак ее не постигнешь. Театр тогда у нас Турчанинов содержал, после Каменского, а потом Молотковский, но мне ни в театр, ни даже в трактир «Вену» чай пить матушка ни за что не позволяли. «Ничего, дескать, там, в „Вене“, хорошего не услышишь, а лучше дома сиди и ешь моченые яблоки». Только одно полное удовольствие мне раз или два в зиму позволялось – прогуляться и посмотреть, как квартальный Богданов с протодьяконом бойцовых гусей спускают или как мещане и семинаристы на кулачки бьются.

Бойцовых гусей у нас в то время много держали и спускали их на Кромской площади; но самый первый гусь был квартального Богданова: у другого бойца у живого крыло отрывал; и чтобы этого гуся кто-нибудь не накормил моченым горохом или иначе как не повредил – квартальный его, бывало, на себе в плетушке за спиною носил: так любил его. У протодьякона же гусь был глинистый, и когда дрался – страшно гоготал и шипел. Публики собиралось множество. А на кулачки биться мещане с семинаристами собирались или на лед, на Оке, под мужским монастырем, или к Навугорской заставе; тут сходились и шли, стена на стену, во всю улицу. Бивались часто на отчаянность. Правило такое только было, чтобы бить в подвздох, а не по лицу, и не класть в рукавицы медных больших гривен. Но, однако, это правило не соблюдалось. Часто случалось, что стащат домой человека на руках и отысповедовать не успеют, как уж и преставился. А многие оставались, но чахли. Мне же от маменьки позволение было только смотреть, но самому в стену чтобы не становиться. Однако я грешен был и в этом покойной родительнице являлся непослушен: сила моя и удаль нудили меня, и если, бывало, мещанская стена дрогнет, а семинарская стена на нее очень наваливает и гнать станет, то я, бывало, не вытерплю и становлюсь. Сила у меня с ранних пор такая состояла, что, бывало, чуть я в гонимую стену вскочу, крикну: «Господи благослови! бей, ребята, духовенных!» да как почну против себя семинаристов подавать, так все и посыпятся. Но славы себе я не искал и даже, бывало, всех об одном только прошу: «Братцы! пожалуйста, сделайте милость, чтобы по имени меня не называть», потому что боялся, чтобы маменька не узнали.

Так я прожил до девятнадцати лет и был здоров столь ужасно, что со мною стали обмороки и кровь носом шла. Тогда маменька стали подумывать меня женить, чтобы не начал на Секеренский завод ходить или не стал с перекрещенками баловаться.

Глава третья

Начали к нам по этому случаю приходить в салопах свахи, и с Нижнихулиц, и с Кромской, и с Карачевской, и разных матушке для меня невест предлагали. От меня это все велось в секрете, так что все знали больше, чем я. Трепачи наши под сараем, и те, бывало, говорят:

– Тебя, Михаиле Михайлыч, маменька женить собирается. Как же ты сам на это, сколько согласен? Ты смотри – знай, что жена тебя после венца щекотать будет, но ты не робей – ты ее сам как можно щекочи в бока, а то она тебя защекочет.

Я, бывало, только краснею. Догадывался, разумеется, что что-то до меня касается, но сам никогда не слыхал, про каких невест у маменьки с свахами идут разговоры. Как придет одна сваха или другая – маменька с нею запрутся в образной, сядут ко крестам, самовар спросят и все наедине говорят, а потом сваха выйдет, погладит меня по голове и обнадеживает:

– Не тужи, молодчик Мишенька: вот уж скоро не будешь один скучать, скоро мы тебя обрадуем.

А маменька даже, бывало, и за это сердятся и говорят:

– Ему это совсем не надо знать; что я над его головой решу, то с ним и быть должно. Это как в Писании.

Я и не тужил; мне было все равно: жениться так жениться, а придет дело до щекотки, тогда увидим еще, кто кого.

Тетушка же Катерина Леонтьевна шла против маменькиного желания и меня против их научала.

– Не женись, – говорила, – Миша, на орловской – ни за что не женись. Ты смотри: здешние, орловские, все как переверчены – не то они купчихи, не то благородные. За офицеров выходят. А ты проси мать, чтобы она взяла тебе жену из Ельца, откуда мы сами с ней родом Там в купечестве мужчины гуляки, но невесты есть настоящие девицы: не щепотницы, а скромные – на офицеров не смотрят, а в платочке молиться ходят и старым русским крестом крестятся. На такой как женишься, то и благодать в дом приведешь, и сам с женой по-старому молиться начнешь, а я тебе тогда все свое добро откажу, а ей отдам свое Божие благословение, и жемчуг окатный, и серебро, и пронижи, и парчовые шугаи, и телогреи, и все болховское вязание.

И было у тетеньки с маменькой на этот счет тихое между них неудовольствие, потому что маменька уже совсем были от старой веры отставши и по новым святцам Варваре-великомученице акафист читали. Они жену мне хотели взять из орловских для того, чтобы у нас было обновление родства.

– По крайней мере, – говорили, – чтобы на прощенные дни, перед постом, было нам к кому на прощанье с хлебами ездить и к нам чтобы было кому завитые хлебы привозить.

Маменька любили потом эти хлебы на сухари резать и в посту в чай с медом обмакивать, а у тетеньки надо всем выше стояло их древнее благочестие.

Спорили они, спорили, а все дело сделалось иначе.

Глава четвертая

Подвернулся вдруг самый неожиданный случай.

Сидим мы раз с тетушкой, на святках, после обеда у окошечка, толкуем что-то от Божества и едим в поспе моченые яблоки, и вдруг замечаем – у наших ворот на улице, на снегу, стоит тройка ямских коней. Смотрим – из-под кибитки из-за кошмы вылезает высокий человек в калмыцком тулупе, темным сукном крыт, алым кушаком подпоясан, зеленым гарусным шарфом во весь поднятый воротник обверчен, и длинные концы на груди жгутом свиты и за пазуху сунуты, на голове яломок, а на ногах телячьи сапоги мехом вверх.

Встал этот человек и вытряхивается, как пудель, от снега, а потом вместе с ямщиком зацепил из кибитки из-под кошмы другого человека, в бобровом картузе и в волчьей шубе, и держит его под руки, чтобы он мог на ногах устояться, потому что ему скользко на подшивных валенках.

Тетенька Катерина Леонтьевна очень обеспокоилась, что это за люди и зачем у наших ворот высаживаются, а как волчью шубу увидала, так и благословилая:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас, аминь! – говорит. – Ведь это братец Иван Леонтьич, твой дядя, из Ельца приехал. Что это с ним случилось? С самых отцовых похорон три года здесь не был, а тут вдруг привалил на святках. Скорее бери ключ от ворот, бежи ему навстречу.

Я бросился искать маменьку, а маменька стали ключ искать и насилу его нашли в образнике, да пока я выбежал к воротам, да замок отпирать стали, да засов вытаскивать, тройка уже и отъехала, и тот, что в калмыцком тулупе был, уехал в кибитке, а дядя один стоит, за скобку держится и сердится.

– Что это, – говорит, – вы, как тетери, днем закупорились?

Маменька с ним здравствуются и отвечают:

– Разве вы, – говорит, – братец, не знаете, какое у нас орловское положение? Постоянно с ворами, и день, и ночь от полиции запираемся.

Дядя отвечает, что это у всех одно положение: Орел да Кромь – первые воры, а Карачев на придачу, а Елец всем ворами отец. «И мы, – говорит, тоже от своей полиции запираемся, но только на ночь, а на что же днем? Мне то и неприятно, что вы меня днем на улице у ворот оставили:

у меня валенки кожей обшиты – идти нельзя, скользко, – а я приехал по церковной надобности не с пустыми руками. Помилуй бог, какой орловчин с шеи рванет и убежит, а мне догонять нельзя».

Глава пятая

Мы все извинились перед дяденькой, отвели его в комнату из дорожного платья переодеваться. Переобулся Иван Леонтьич из валенок в сапоги, одел сюртук и сел к самовару, а матушка стала его спрашивать: по какому он такому церковному делу приехал, что даже на праздничных днях побеспокоился, и куда его попутчик от наших ворот делся?

А Иван Леонтьевич отвечает:

– Дело большое. Разве ты не понимаешь, что я нынче ктитор, а у нас на самый первый день праздника дьякон оборвался.

Маменька говорит

– Не слышали.

– Да ведь у вас когда же о чем-нибудь интересном слышат! Такой уж у вас город глослый.

– Но каким же это манером у вас дьякон оборвался?

– Ах, это он, мать моя, пострадал через свое усердие. Стал служить хорошо по случаю освобождения от галлов, и все громче, да громче, да еще громче, и вдруг как возгласил о «спасении» – так ему жила и лопнула. Подступили его с амвона сводить, а у него уже полон сапог крови натекло.

– Умер?

– Нет. Купцы не допустили: лекаря наняли. Наши купцы разве так бросят? Лекарь говорит: может еще на поправку пойти, но только голоса уже не будет. Вот мы и приехали сюда с нашим с первым прихожанином хлопотать, чтобы нашего дьякона от нас куда-нибудь в женский монастырь монашкам свели, а себе здесь должны выбрать у вас промежду всех одного самого лучшего.

– А это кто же ваш первый прихожанин и куда он отъехал?

– Наш первый прихожанин называется Павел Мироныч Мукомол. На московской богачихе женат. Целую неделю свадьбу праздновали. Очень ко храму привержен и службу всякую церковную лучше протодьякона знает. Затем его все и упросили: поезжай, посмотри и выбери; что тебе полюбится – то и нам будет любо. Его всяк стар и мал почитает. И он при огромном своем капитале, что три дома имеет, и свечной завод, и крупчатку, а сейчас послушался и для церковной надобности все оставил и полетел. Он пока в Репинской гостинице номер возьмет. Шалят у вас там или честно?

Маменька отвечают:

– Не знаю.

– То-то вот и есть, что вы живете и ничего не знаете.

– Мы гостиниц боимся.

– Ну да ничего; Павла Мироныча тоже нелегко обидеть: сильнее его ни в Ельце, ни в Ливнах кулачника нет. Что ни бой – то два да три кулачника от его руки падают. Он в прошлом году, постом, нарочно в Тулу ездил и даром что мукомол, а там двух самых первых самоварников так сразу с грыжей и сделал.

Маменька и тетенька перекрестились.

– Господи! – говорят, – зачем же ты такого к нам с собой на святые вечера привез!

А дяденька смеется:

– Чего, – говорит, – вы, бабы, испугались! Наш прихожанин – хороший человек, и по церковному делу мне без него обойтись невозможно. Мы с ним приехали на живую минуту, чтобы обобрать в свою пользу, что нам годится, и уехать.

Матушка с тетей опять ахнули.

– Что ты это, братец, зачем такое страшное шутишь!

Дядя еще веселее рассмеялся.

– Эх вы, – говорит, – вороны-сударыни, купчихи орловские! У вас и город-то не то город, не то пожарище – ни на что не похож, и сами-то вы в нем все, как копчушки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете. Вот мы это-то самое у вас и отберем.

– Что же это такое?

– Дьякон нам хороший в приход нужен, а у вас, говорят, есть два дьякона с голосами: один у Богоявления, в Рядах, а другой на Дьячковской части, у Никития. Выслушаем их во всех манерах, как Павел Мироныч покажет, что к нашему к елецкому вкусу подходящее, и которого изберем, того к себе сманим и уговор сделаем; а который нам не годится – тому во второй номер: за беспокойство получай на рясу деньгами. Павел Мироныч теперь уже поехал собирать их на пробу, а мне сейчас надо идти к Борисоглебскому соборцу; там, говорят, у вас есть гостинник, у которого всегда пустая гостиница. Вот в этой в пустой гостинице возьмем три номера насквозь и будем пробу делать. Должен ты, брат Мишутка, сейчас меня туда вести в провожатых.

Я спрашиваю:

– Это вы, дяденька, мне говорите?

Он отвечает:

– Известно, тебе. Кто же еще, кроме тебя, Мишутка? Ну, а если обижаешься, так, пожалуй, назову тебя Михаиле Михайлович: окажи родственную услугу – проводи, сделай милость, на чужой стороне дядю родного.

Я откашлинулся и вежливо отвечаю:

– Это, дяденька, состоит не в том расчислении: я ничем не обижаюсь и готов со всей моей радостью, но я сам собой не владею, а как маменька прикажет.

Маменьке же это совершенно не понравилось.

– Зачем, – говорит, – вам, братец, в такую компанию с собой Мишу брать? Можно сделать, что вас другой кто-нибудь проводит.

– Мне с племянником-то приличней ходить.

– Ну, что он еще знает!

Да небось все знает. Мишутка, знаешь все?

Я застыдился.

– Нет, – говорю, – я всего знать не могу.

– Почему же так?

– Маменька не позволяют.

– Вот так дело! А как ты думаешь: родной дядя всегда может во всем племянником руководствовать или нет? Разумеется, может. Одевайся же сейчас и пойдем во все следы, пока дойдем до беды.

Я то тронусь, то стою, как пень: и его слушаю, и вижу, что маменька ни за что не хотят меня отпустить.

– У нас, – говорят, – Миша еще млад, и со двора он в вечернее время никуда выходить не обык. Зачем же тебе его непременно? Теперь не оглянись, как и сумерки, и воровской час будет.

Но тут дядя на них даже и покричал:

– Да полно вам, в самом деле, дурачиться! Что вы это парня в бабьем рукаве парите! Малый вырос такой, что вола убить может, а вы его все в детках бережете. Это одна ваша женская глупость, а он у вас от этого хуже будет. Ему надо развитие сил жизни иметь и утверждение характера, а мне он нужен потому, что, помилуй бог, на меня в самом деле в темноте или где-нибудь в закоулке ваши орловские воры нападут или полиция обходом

встретится – так ведь со мной все наши деньги на хлопоты... Ведь сумма есть, чтобы и оборванного дьякона монашкам сбыть, и себе сманить сильного... Неужели же вы, родные сестры, столь безродственны, что хотите, чтобы меня, брата вашего, по голове огрели или в полицию бы забрали, а там бы я после безо всего оказался?

Матушка говорит:

– Боже от этого сохрани – не в одном Ельце уважают родственность! Но ты возьми с собой приказчика или даже хоть двух молодцов из трепачей. У нас трепачи из кромчан страсть очень сильные, фунтов по восьми в день одного хлеба едят без приварка.

Дядя не захотел.

– На что, – говорит, – мне годятся наемные люди? Это вам, сестрам, даже стыдно и говорить, а мне с ними идти стыдно и страшно. Кромчане! Хороши тоже люди называются! Они пойдут провожать, да сами же первые и убьют, а Миша мне племянник, – мне с ним по крайней мере смело и прилично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.